

ХОРОШО помню, как двадцать лет назад она выходила на нашу университетскую сцену, очень непосредственная, немножко угловатая, и, не зная, куда девать руки, пела песенки своего детства — французские, польские... Скоро угловатость исчезла — и мы узнали изящную, удивительно женственную и умную певицу со своей темой в искусстве. Сейчас народная артистка республики Эдита Пьеха открывает новую страницу в своей актерской биографии.

...От имени читателей «Смены» поздравляю хозяйку дома с недавним присуждением высокого звания. Благодарно улыбаясь, она приглашает располагаться за журнальным столиком для заранее оговоренной беседы. Присаживается рядом: «Ну, что ж, начнем!»

— Мы знаем, Эдита Станиславовна: ваши выступления в составе ансамбля «Дружба» завершились. Отныне вы начинаете иной путь в искусстве, с новым коллективом. Чем это вызвано?

— В жизни ничто не происходит случайно, внезапно. Все имеет подготовку, созревает, а потом наступает скачок, переход в другое качество. Уже давно я ощущала недовольство собой. За плечами все-таки — двадцать лет с песней, в которую я верю свято. На языке песни все эти годы общалась с моими слушателями. Песня для меня — это способ открывать жизнь, понимать ее, делиться с людьми о пережитом, утверждать свою позицию. И с годами понятие «солистка ансамбля «Дружба» становилось мне, ну что ли, тесным. Потому что песней я жила с утра до ночи, а ведь «солистка» — это значит просто выйти на сцену, как на дежурство, спеть три песни, вернуться домой и дальше заниматься своими делами. У меня же давным-давно все совсем не так, уже давно, повторяю, в песне — вся моя жизнь. Все, кроме песни, отстает на второй план... Даже, когда очень устаю, слушаю пластинки с записями любимых исполнителей. Только не могу слушать музыку в отпуске. За отпуск я должна по музыке немножко «изголодаться».

— Где же можно так отдыхать, чтобы совсем не слышать песни?

— Есть в Карпатах такое местечко — Путила. Там высоченные горы, быстрые реки, в которых играет форель, и хатки, далеко разбросанные одна от другой... Тишина благословенная, и я берегу эту тишину, потому что она дает мне силы, чтобы потом опять искать себя в песне.

— Выше вы упомянули, что дома, когда есть настроение, слушаете записи любимых исполнителей. Кого же именно?

— Пожалуй, все-таки не только любимых. Вообще, по-моему, быть любимым для всех невозможно: ни один артист не является «солнышком», и всех не обогреешь... Кого же я люблю слушать больше всего? Вот закрываю глаза — и Клавдия Ивановна Шульженко своей не очень-то «современной» манерой доносит до моего сознания, до моего сердца те краски, те полутона чувств, которые способен подарить далеко не каждый. С самого начала она была для меня каким-то идеалом, и по сей день остается такой, и не только как певица, но и как человек. Преклоняюсь перед ее мужеством женщины, перед невероятным желанием оставаться всегда молодой: ведь ее голос не постарел ни на капелю, и, наверное, сердце ее — душа осталась тоже такими же молодыми... А вот Людмила Георгиевна Зыкина для меня — словно поющий орган.

Из зарубежных исполнителей особо выделяю замечательную французскую певицу Барбару — своим тонким голосом, какими-то невероятными пастельными красками она рисует целые картины... К французской песне я вообще неравнодушна: ее интеллигентность, тонкость, великолепные стихи — все это меня всегда волновало и трогало. Очень люблю тихонечко заводить пластинку, на которой «Жизнь в розовом свете» Эдит Пиаф —

наверное, трагизм в личной жизни сделал эту женщину такой сильной в песне... Ну, конечно, дороги мне Жильбер Бекко, Жак Брель, Шарль Азнавур, Мишель Легран... Из поляков Эва Демарчик пленяет великолепным вкусом еще — Анна Герман, Марыля Родович, Анна Ямбар, Ирэна Яроцка... В их песнях подчас — це-

«МОИ ПЕСНИ — ЭТО СУДЬБЫ»

...лые человеческие судьбы. И этот ключ я тоже взяла себе на вооружение. Считаю, что мои песни — это человеческие судьбы. Не просто какие-то пейзажи, какие-то шутки, не просто пересказ какого-то стихотворения, нет — это судьбы, это люди...

— Не спорю, мне дорого, что в первую очередь вы назвали имя Шульженко. Потому что и она, и Пиаф, и Герман — это прежде всего личности, а уже потом певицы. Ведь исполнителей с хорошими голосами нынче встретить не так уж трудно, но как необходимы нам в них, кроме вокальных данных, еще и ум и характер — в общем, личность артиста. И если все это в исполнителе заложено, если есть индивидуальность, то идешь на концерт не просто послушать песни, а ждешь от встречи с исполнителем нечто большего, ждешь через песню разговора о жизни...

— Знаете, некоторые исполнители, участвуя в авторских концертах композиторов, поют подражая все песни, которые только им дают. И я думаю: какие же они гениальные певцы, если могут порой петь даже то, что им вовсе не нравится... Лично я не в состоянии спеть в песне ни одной ноты, если она не трогает мое сердце... Конечно, можно петь не сердцем, а только горланью, когда только две голосовые связочки издают звук, но меня такое «искусство» не волнует... Бывают певцы, которые все делают, казалось бы, плохо, но запоминаются на всю жизнь. Вот Леонид Осипович Утесов — в смысле вокала все, вроде бы, неправильно, но вместе с тем — гениально. Потому что это спето сердцем, потому что это — индивидуальность.

Встреча с большим явлением в искусстве — всегда праздник, а с бесталанностью — трагедия. Однажды услышав одного такого певца, вынуждена была за кулисами пить валериану. Трудно оставаться спокойной, когда чувствуешь: фальшь! Зато если рядом талант... Еще давным-давно, в одной из передач «Артлото», услышала Аллу Пугачеву и ощутила: эта девочка очень талантлива, она непременно должна стать известной. Но шли годы, и я уже начинала думать, что ошиблась, а звезда Пугачевой, оказывается,

всходила на небо окольными путями. И вот, наконец, мы услышали ее «Арлекино», ее песни в фильме «Ирония судьбы...». Тогда так же, когда в шестьдесят восьмом на фестивале в Софии впервые встретила Сонечку Ротару, подумалось: какой удивительный голос! Прошло три-четыре года — и первая премия на фестивале «Золотой Орфей!» Так что мои предсказания сбываются.

— Талантливому исполнителю, верно, и слушатель необходим талантливый. Я имею в виду совсем не избранность, не «элитность», а то, чтобы люди в зале не были просто бездумными потребителями песенной продукции. Лично меня очень тревожит именно потребительское отношение к песне, особенно распространенное среди молодых. Если раньше молодые собирались в компании у старенького пианино, если раньше парни и девушки любили и умели петь, даже — на два голоса, то сейчас в лучшем случае песни звучат под гитару, самодельные, далеко не лучшего вкуса.

— С возрастом мечты стали другие... Сейчас мне бы очень хотелось, чтобы я не просто выходила на сцену и пела песни одну за другой, а чтобы играла в каком-то песенном спектакле, построенном на разных мелодиях, даже совсем забытых... Однажды в Варшаве, в театре «Атенеум», я смотрела спектакль «Пусть только зацветет яблоня» — и вдруг на сцене зазвучали песни, которые я пела еще девочкой. И, казалось бы, совсем не романтичная дамочка, я заплакала... Потому что в этих песнях — кусочки моей судьбы... Вот если бы такой спектакль можно было сделать у нас, в Ленинграде.

— Замечаете ли вы, как вместе с вами меняются и ваши песни?

— Конечно, потому что песни — это годы, это мудрость, это умение понимать жизнь. Все мои девичьи волнения по поводу встречи с прекрасным я передавала в песнях просто

гда все время отдаешь себя песне, голос хочет молчать. Но душа, каждый нерв поют. Вот засыпаю, а в мозгу все равно крутится песня. Иногда — какая-нибудь совсем забытая...

— Кстати, возвращаясь к старым песням, «современить» их, стало нынче модным. Увы, далеко не всегда это делается тактично...

— Для того, чтобы спеть песню иначе, чем раньше, чтобы ее «омолодить», надо уметь очень много. Когда молодые мальчики берутся за песни, которые нам очень дороги, которые — словно памятники, ибо за каждой — эпоха, — и вдруг начинают их исполнять дерзко и неуважительно, это оскорбляет...

Насегда врезались в память слова директора школы, который мне сказал на прощание: «Запомните в жизни одно правило. Клубнику можно подать человеку на грязной руке, а можно — на блюдечке, и разница во вкусе будет очень большая». Так же, наверное, и с песнями, и тут надо быть

— Да, мертвый... Давно я дружу с ансамблем скрипачей Большого театра. И вот как-то его руководитель Юлий Маркович Реентович пригласил меня на концерт в Филармонию. Казалось бы, простая вещь: стоят и играют без микрофонов, а в душе вдруг все перевернулось — я услышала живой звук! И от этого живого звука, от этой благословенной тишины — мороз по коже. Вышла с концерта счастливейшим человеком.

— Есть ли в вашем репертуаре песни, которые выделяете для себя особо?

— Нынче в свой отпуск я поехала в студенческие стройотряды. И вот в двухстах километрах от города Горького, в поселке Шатки, вдруг узнаю, что там на деревенском кладбище похоронена Таня Савичева. Пионеры-следопыты разыскали ее могилу. С друзьями пришла я к этой могиле и, стоя там, пережила целую песню.

Покидая кладбище, знала, что песня будет обязательно, и сегодня она уже есть — на слова Виктора Гина, на музыку Евгения Дога: «Моя землячка, Савичева Таня, прости, что не пришла к тебе с цветами, не знала, что тебя я встречу здесь, где справа — лес, и слева — лес. И эти строки на твоей могиле меня огнем блокады опалили...».

Такие песни, которые выстраданы мною самой, занимают, конечно, место особое. Но есть и другие, тоже дорогие мне, — их получала и получаю в подарок от авторов: например, «На кургане» Андрея Петрова и Юлии Друниной — в этой песне вижу свою юность. Или Цветаевская «Горечь». Или совсем новая песня «Верни мне лето» на слова Риммы Казаковой — о поздней любви, которая пришла к женщине (скорее вы ее услышите в фильме «Стажер»). Или «Огромное небо». Я пою: «Стрела самолета рванулась с небес, и вздрогнул от взрыва березовый лес...» — дальше пауза, и я тяну ее, кажется, целую вечность, и когда тишина в зале становится просто уже звенящей, продолжаю: «Не скоро поляны травой зарастут, а город подумал: «Ученые идут...» Пять тысяч в зале, и никто не вздохнет, все в плену песни... В такое мгновение чувствую себя самой счастливой.

— Вернемся к началу нашей беседы. Итак, Эдита Станиславовна, совсем скоро вы выйдете на эстраду с новым коллективом. Как сами считаете: вы встретитесь со слушателями уже в новом качестве?

— Пожалуй, «качество» все-таки останется прежним, но, как пелось в известной песне Фрадкина: «Вот и стали мы на год взрослей...». Конечно, шаг трудный, ведь я рассталась с «Дружкой», где проработала столько лет.

Сейчас создан новый коллектив, по-моему, очень удачный, под руководством Григория Клеймица — человека большого трудолюбия и скромности. Наш ансамбль не имеет названия и это тоже совсем не случайно: мне неприятно, когда в афише значится — «Вокально-инструментальный ансамбль». Это, по-моему, все равно, что на дорогом подарке обозначить цену. Если ты что-то действительно стоишь, то не надо объявлять, как ты называешься — это так видно, без названия. Поэтому в нашей афише будет указано просто: ансамбль. «Ансамбль» — это значит «вместе», а наше кредо — не только вместе петь, но и идти к одной цели, быть ансамблем во всем...

Программа почти готова. В ноябре покажем ее в Сибири, потом — в Ленинградской области. Начнем именно с области, а там у меня есть город, к которому особенно неравнодушна — Сосновый Бор, потому что давно уже дружу с комсомольцами — строителями атомной станции. Так что именно к ним в первую очередь и приедем.

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото Ю. Велинского (ЛЕНТАСС)

На вопросы
корреспондента «Смены»
отвечает
народная артистка РСФСР,
лауреат премии
Ленинградской
комсомольской организации
Эдита ПЬЕХА

А в основном в компаниях люди довольствуются магнитофонными записями. Не участвуя в жизни песни, люди ее просто потребляют.

— Мне это тоже больно. Многие объясняют подобную ситуацию ритмом двадцатого века, когда все спешит, торопится и, в частности, некогда разучить даже слов новой песни, когда больше доверяют технике, а не личным чувствам.

— Простите, но модные сезоны на двадцатый век и спешка, по-моему, чаще всего характерны именно для тех, кому вообще спешить некуда. Отговора для ленивых...

— Пожалуй, вы правы... Людям становится достаточно информации, которую они получают с экрана телевизора, этот же экран подчас заменяет им и театр, и концертный зал... Люди сами себя обрабатывают, не замечая порой, что в окружении магнитофонов и телеэкранов их интересы становятся менее глубокими... И когда встречаются, то нет споров, нет дуэли ума, нет песен, зато крутятся этиким постоянным «музфоном» магнитофонная пленка. Если случайно оказываюсь в подобной компании, то испытываю страдание.

— Когда-то, в самом начале своего артистического пути, вы, помнится, мечтали получить из зрительного зала букет роз. И это случилось в Баку... Какая мечта, если не секрет, мучает вас сегодня?

и скромно — это было лишь веселье, больше ничего. А вот песни-рассуждения, драматические, с глубоким подтекстом, они стали мне по плечу только с годами... Когда впервые спела «Маму», мне казалось, что все в ней говорю правильно: я тосковала по своей маме, которая жила очень далеко, просила у нее прощения за то, что так редко пишу письма... А сейчас «Мама» звучит совсем иначе, словно исполняет ее другой человек. В самой окраске голоса появились другие тембры, другие оттенки. Знаете, когда художник пишет картину, он играет со светом, создает полутон. У всех художников краски одни и те же, но каждый по-разному использует все то, что знает о жизни... Вот я все повторяю: «Жизнь, жизнь, жизнь...», потому что за этим словом скрывается очень много не только радости, но и бессонных ночей, обид, слез... И все это для моих песен — какие-то оттенки, полутон...

— Песня о маме звучит у вас теперь иначе, наверное, еще и потому, что у вас самой выросла дочка. Сколько ей уже?

— Илоне скоро шестнадцать. Учится в девятом классе.

— Также поет!

— Только для себя. Считаю, что это ее хобби.

— Интересно, а вы, когда просто занимаетесь домашними делами, напеваете!

— Что вы, невозможно! Ко-

очень воспитанным, хорошо понимая, что ты хочешь песней сказать, если даешь ей новую жизнь... Кстати, старых песен я пела мало. Многие хорошие советские песни знала еще на польском языке, например, «Чайка смело пролетела над седой волной...». И снова исполнила «Чайку» недавно — так, как чувствую ее именно сейчас. Конечно, можно было бы «Чайку» и аранжировать, «подновить», но это было бы уже искусственным. По-моему, возвращаясь к старым мелодиям, нужно делать все естественно. Когда я спросила у Клавдии Ивановны Шульженко, как это у нее получалось в песне такой красивой жест, она ответила: «Если сердце поет, тогда и руки поют». Поэтому мне кажется: если песню понимаешь сердцем, то никогда ее не извратишь, ибо будешь это делать искренне, «с чистыми руками».

Сегодняшние модные ритмы, признаться, уже порядком надоели. Мне кажется, что не только танго вернется снова, но и забытые вальсы, другие мелодии наших бабушек... Одна песня сейчас у меня идет под баян, и его звуки кажутся светлыми, хрустальными — ведь мы так устали от вопля этих электрогитар...

— Еще бы, ведь в электроинструментах звук «мертвый»...

В БЕСЕДЕ Эдита заметила, что не любит, когда в концерте объявляют титулы и звания исполнителя. Она считает: зритель знает, к кому пришел, потому что ему нужен именно ЭТОТ артист, именно эта человеческая личность, а звания и титулы — вещь уже вторичная. Во всяком случае, актриса верит, что у нее — такой зритель... Наверное, она права.